

ПРИТЧА О ВЕЛИКОМ ЦИФРОВИЗАТОРЕ

Часть вторая, заключительная. Консциентальное оружие

Окончание. Начало — в № 33

Предлагаем вниманию читателей вторую (заключительную) часть беседы писателя, главного аналитика фонда "Наследие Евразии" Виталия ВОЛКОВА с директором Института опережающих исследований им. Е.Л. Шифферса Юрием ГРОМЫКО.

Виталий ВОЛКОВ. И всё-таки, пока "мы" говорим о Леонтьеве, Чехове и Соловьёве, "они" развивают "Палантир". Важно помнить: процессы переидентификации в эпоху русских классиков шли сравнительно медленно. А сегодня нет и Советского Союза, способного поддерживать подобную сложную систему. А "Палантир" есть, и есть системы профилирования. У структур, стоящих за дата-фашизмом и техно-расизмом, есть понимание того, о чём вы говорили применительно к англосаксам: как разрушать и моделировать, как создавать группы, которые затем будут действовать должным образом и станут авангардом необходимого им фашизма. Укронацизм, на мой взгляд, — зримое проявление этого процесса. Пока мы размышляли о Соловьёве, мы как будто его пропустили, как боксёр, расслабившись, пропускает мощный удар. Впрочем, мы с вами не пропустили, потому что давно и публично обращали внимание на консциентальное оружие, а это — именно оно...

Юрий ГРОМЫКО. Вы правы, именно об этом я пытаюсь докричаться до власти. Более того, в своё время я делал в Киеве доклад на эту тему, и Киев меня удивительным образом понял. Мне сказали: "Юрий Вячеславович, мы, честно говоря, считали вас очень абстрактным философом и ничего не могли понять в вашей методологии, кроме замечательной работы "Почему методологи проиграли перестройку", а тут — поняли!". Там мне стало ясно, что в Киеве как раз находились люди, занимающиеся переидентификацией. Грубо говоря, на мою лекцию у них возник кожный рефлекс: они обмыслили это не только умом, у них, образно говоря, зашевелились волосы и пошли мурашки. А было это в 2002-м или 2003-м...

Виталий ВОЛКОВ. Да, тогда на гребне волны шли условные космополиты, типа адептов Билла Гейтса. А сейчас Тиль, немец американский, предлагает определённое решение по вивисекции культур, а его ближайший сподвижник Карп едет в Киев. И, я так понимаю, там находят не просто рынок для систем определения целей для ракет и беспилотников, а находят тех, кто в идеологии и платформе "Палантира" видит ворота в структуру мирового господства на определённых ролях. И если в Киеве у них уже тогда при словах о переидентификации "зашевелились волосы!", значит, соответствующие модули подходят друг к другу. Но как сюда монтируется "модуль Тилиа" о достижении личного прижизненного бессмертия? Он хочет технологически обеспечить личное бессмертие и при этом оставить функциональной ту небольшую долю человечества, которое способно в его парадигме существовать? Где здесь точка соприкосновения с укронацизмом, который для меня глубоко связан, с одной стороны, с идеей окультиного преодоления личной смерти, а с другой — сам является смертью?

Юрий ГРОМЫКО. Ну конечно. Смертью человеческого.

Виталий ВОЛКОВ. У украинства есть особенность, которая не удаляется технологиями переидентификации: сожгу свой дом, чтобы у соседа вишнею пожгло. Эта особенность была подмечена ещё классиками литературы, и вот мы её наблюдаем — жгут свой дом, себя, но только чтобы у нас не только вишнею, конечно, но хоть что-то заметное пожгло. Это связано с тем, что в украинстве заложена определённая внутренняя сила и структура, которая позволяет им соединяться с высокотехнологичным вроде бы замыслом, оставаясь на нижайшем уровне архаичности.

Юрий ГРОМЫКО. На мой взгляд, это очень простая вещь, потому что матёрый технологизм любого уровня направлен на то, чтобы исключить фактор антропологии, которая не машинизирована и которая затрагивает совсем другую — в общем-то духовную, культуру. Русских всегда интересовало, как сделать так, чтобы технология решала определённые духовные задачи. А технологизм, отделённый от человека, очень удобно помещается в матрицу совершенно иной, окультиной, как вы правильно сказали, антропологии, где расцветает миф фашизма. Он заключается в том, что дух почвы и крови национальных героев возвращается (то есть в этом отношении почти что буддизм), человек возвращается в духе героя. Отсюда эти страшные культы, где разрушается литургия, эти страшные служения. Моно-технологическому подходу — железу без человека, сознания и духа — совершенно не важно, какая псевдо-антропологическая прививка будет к нему присоединена. Его легко перенесут в Японию и наложат на определённые культы вокруг синтоизма и буддизма. В этом сила оторванного, голого технологизма. При этом вопрос серьёзного преодоления смерти — не личного сохранения, которое является фикцией при всех криогенных технологиях, а развития жизни, создания технологий prolongation жизни для всех, решения вопросов жизни в космосе, создания живого и сверхживого — был предметом русской науки. Это и коацерваты Опарина, и последующие разработки, и замечательные работы школы Галимова о том, где искать истоки жизни во Вселенной и с чем они связаны. Если сравнить эти программы с сегодняшней программой личного бессмертия Тилиа, последняя по масштабу выглядит смешно. До настоящего прорыва продлут, по меньшей мере, десятилетия, а возможно, столетие. Значит, умереть ему всё равно придётся, и он встретится со смертью. Возникнут страшные религиозные вопросы: ради чего он жил и кто он такой? Для него это способ уйти от таких вопросов. К этому особенно склонны некоторые версии протестантизма и различные окультиные течения. Не случайно за действиями Трампа, в связи с которым находится Тиль, стоят евангелики — евангелические христиане. Они верят, что, когда Израиль полностью восстановится на определённых территориях и осуществится цикл, описанный в Ветхом Завете, на месте Аль-Аксы нужно будет построить Третий храм. Для этого Аль-Аксу следует разрушить. Тогда, согласно вере евангеликов, явится Иисус Христос, а для части иудейских мессианистов — Мессия. Это противостоит и традиционному сионизму, и католической церкви (потому папа римский должен быть обеспокоен этим проектом). Евангелики — это не просто небольшая ересь, а десятки миллионов американцев, огромная питающая среда, с которой Трамп активно играет на правом фланге.

Здесь возникает вопрос: что такое вера? Если говорить словами, приписываемыми Тертуллиану, вера — это "обличение вещей невидимых". И действительно, некий невидимый проект, который витает над происходящим, даёт огромную энергию. Отсюда возникает вопрос: почему в рамках такой веры не пойти на крайние технологические меры? Далее возникает простая схема: по ницшеанской теории нужно разделить героев и охлос — скот. Скоту предназначено одно: его надо переидентифицировать и загнать в определённое стойло. Какая-то часть национальной элиты пусть занимается ересью возрождения духа героев, если это ложится на псев-

догосударственность, разрушенную или отсутствующую историю государственности этих украинских деревень и их разобщённость. На хуторянство. Возникает удобная коробочка — переидентификационный конструктор, о котором вы не раз писали. В нём есть очень престижная составляющая: "Мы с вами носители прогресса, обсуждаем не мушкеты и не пушки, а будущее человечества, где всё будут определять вычислительные машины. Хотите — добавляйте сюда Маркса, сплошные роботизированные фабрики; смотрите, у нас всё это уже есть". Затем добавляется небольшая антропологическая деталь: что делать с человеком? Ответ тоже готов — все делится на героев и стадо, и со стадом поступают понятным образом. Стадо играет в дурную электоральную демократию, которая, по словам самого Трампа, в Америке абсолютоно отстала. Но ему помогут: есть технические средства, позволяющие "правильно" выбирать. У кого-то может быть другая вера или ересь, но в главном они сойдутся на этом проекте. А мы пробуждаем Германию, сдерживаем Россию; затем то же будет сделано с Японией и Тайванем применительно к Китаю. Возникает ясный геополитический проект продолжения американского господства и унилатерализма при переделке косного человеческого материала. Здесь есть ещё одна важная грань: троцкисты, разгромленные Сталиным, также стояли на позиции, что человеческий материал надо переделывать, что сам по себе он ничто и дрянь. И сейчас в описанной среде присутствует немало бывших троцкистов, увлечённых мировыми проектами. Интересен сам переход слоя, традиционно связанного с Демократической партией, к республиканцам и Трампу. Старое партийное деление закончилось и больше не работает: возник совершенно новый политический замес. Поэтому и появляется ощущение, что сейчас нельзя ограничиваться только разговорами о Чехове, Соловьёве и Флоренском.

Виталий ВОЛКОВ. Я не предлагаю отложить Чехова: для нас это невозможно, это означало бы смерть нашей идентичности. Но процессы, происходящие у нас, крайне медленны. Мой родственник работает в компании, занимающейся важными вопросами, связанными с экономикой и логистикой. Он говорит, что принятие решений идёт чрезвычайно медленно. Во время войны это серьёзная проблема. Причина не только в костности людей. У них развитое мышление, но всё равно каждый раз возникает вопрос — надо или не надо рискнуть? С одной стороны, это ответственность личного выбора, которая далеко не всегда поощряется; с другой — это тогда передача выбора звену очень высокой позиции, что, конечно, замедляет процесс. Между тем беспилотники летят на города юга России, Центральной России, Сибири, на Петербург, на Москву. В каком-то смысле это даже многими воспринимается как полезная встряка, чтобы и Москва немного подтянулась к тем городам, где считают, что в столице одни "Патрики". Как сказал мне один человек, пора перестать жить на жиру и ходить в "Кофеманию", пора поджаться. Как, по-вашему, совместить Чехова и Соловьёва с реалиями сегодняшней войны? Что мы можем противопоставить "Палантиру", совмещённому с украинским нацизмом?

Юрий ГРОМЫКО. Главная российская проблема в данном контексте — скорость принятия стратегических решений на государственном уровне. Государственная жизнь пронизана пиаром: человек, замысливающий проект, прежде всего думает, как через месяц, максимум через три, сможет о нём отчитаться. При этом контрольные функции государства фактически провалены. Если условно сравнить нынешнее руководство и Сталина, основной дефицит заключается не только в стратегическом видении, хотя и здесь есть проблема, а прежде всего в контроле исполнения. Иосиф Виссарионович контролировал выполнение решений — со всеми известными издержками этого способа. Сегодня же возникает ощущение, что пространство заполнено пиаром и можно безнаказанно сообщать что угодно. Но это связано и с тем, что нужен совсем другой метод принятия стратегических решений. Вокруг тех, кто решится быстро принимать и разрабатывать такие решения, надо создавать соответствующую среду поддержки. В контексте беспилотников ключевым является вопрос о фигуре генерального конструктора во власти.

Постепенно, в том числе благодаря "Палантиру", Украина приходит к пониманию: дело не только в создании ракет, беспилотников, сенсоров, систем связи или систем РЭБ, подавляющих каналы связи, а в проектировании целостных систем. Наш опережающий ответ, в том числе, на основе российской науки, — создание мультимедиа-инфраструктуры обороны и нападения.

О чём идёт речь: модельный вариант — не просто столкновение стаи атакующих дронов с охранной стайей наших систем и "панцирем" наших дронов, это как минимум трёхуровневая волна, где надо проектировать саму воздушную среду, включая системы искусственного интеллекта, весь набор сенсоров, спутниковую и другие виды связи, а также средства подавления каналов. Это огромная расчётная задача, вполне заслуживающая внимания настоящей генеральной конструктора. Россия всегда двигалась так в периоды больших испытаний, в том числе, во время Великой Отечественной войны. Так было с "Катюшей", которую не признавали люди, совершенствовавшие пулемёты. Но, сколько ни совершенствуй отдельный дрон, без проектирования оборонной мультимедиа-инфраструктуры нужные задачи не решить. Это совсем другой принцип.

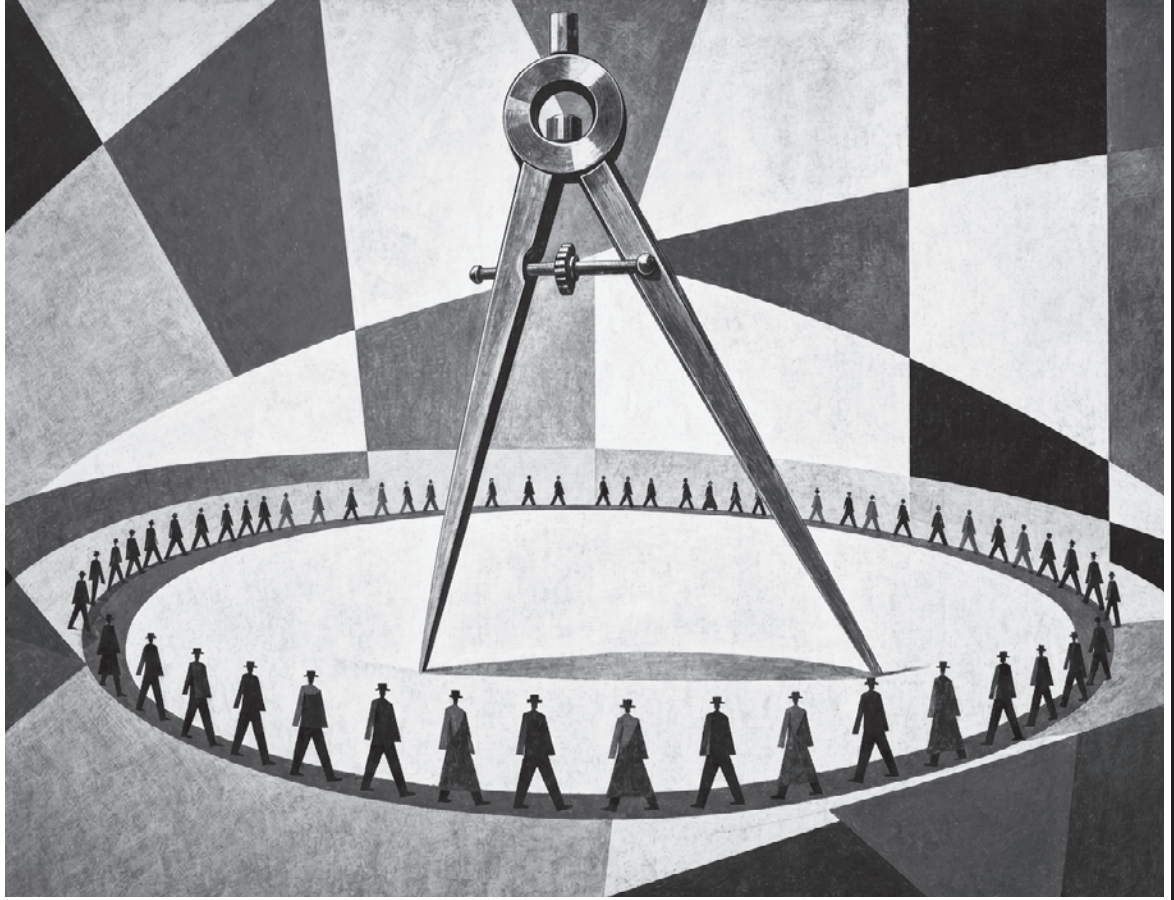
Китай активно осваивает этот принцип прежде всего в гражданских сферах: для военных разработок ему нужны полигоны и практический опыт. Это могло бы стать предметом серьёзного разговора с китайскими партнёрами. Китайские стратеги понимают: в треугольнике Россия — Китай — США вытеснение России в зону тяжёлых проблем создаёт условия для последующего удара по Китаю. С этой точки зрения, конечно, принципиальна и важнейшая вещь — это отказ от навязанной американской схемы, которая хороша для Америки: сначала прототип, потом венчурный капитал в "долине смерти", а только потом масштабирование.

Русские всегда двигаются иначе. Они двигаются от сверхзадачи.

Как должна быть устроена отрасль, производящая мультисистемы безопасности для определённой пространственной среды? Как само пространство должно стать предметом расчёта? Какие программные агенты эмерджентного искусственного интеллекта должны быть созданы, чтобы через систему конфликтов перебрасывать ресурс в нужную точку? Я знаю десятки людей, занимающихся разными частями вопроса.

Нужен государственный заказ на конструирование целостных систем. Я насчитал более десяти групп, которые пытаются начать важные государственные проекты, но не получают ни полномочий, ни поддержки. Круг людей, близких к правительству, остаётся замкнутым из-за распределения бюджетов и полномочий. Принципиальная задача — разомкнуть этот круг и довести инициативы предпринимательских групп, будь то создание чипов или национальной индустрии нейросетей, до уровня реальных государственных решений.

Выйдешь из своего дома — извините, плонещь — и обязательно попадёшь в айтишники: их огромное количество. Но нет никого, кто взялся бы за разработку и создание суверенной национальной системы искусственного интеллекта как ответа "Палантиру". Или такие есть, но у них нет полномочий. Это стыд. Как Греф сказал на совещании: "Яндекс, вы фактически берёте китайские разработки". И действительно, "Кими" —

уже следующий шаг по сравнению с "Дипсик". Это один из важнейших моментов.

Виталий ВОЛКОВ. А propos, вчера российский специалист по этим технологиям, кажется, в ТВ-программе Никиты Михалкова, рассказывал, что при "Яндексе" был создан некий аналог "Палантира", но затем его вывезли во Францию. Теперь французы и Макрон представляют его как собственную разработку, хотя на самом деле это наша система, которой позволили уехать...

Юрий ГРОМЫКО. Сам организатор "Яндекса" находится в Америке; там его стартапы и программыруются. Поэтому отдельный вопрос — на кого работает "Яндекс" и как формируются его поисковые приоритеты. Мой любимый пример для преподавания истории: кем был Александр Невский — великим русским святым или коллаборационистом Орды, отказавшимся от союза с Даниилом Галицим? В зависимости от заложенных приоритетов система будет давать разные ответы. В подобных вопросах всегда действуют заданные приоритеты ответов. Поэтому национальная индустрия "искусственного интеллекта" должна включать культурную традицию — условно говоря, Чехова — в качестве одного из ведущих операторов понимания. Это вопрос национальной идентичности. Нельзя допустить её перереформирования. Иначе придётся становиться интеллектуальным партизаном, который одинаково критически работает и с китайскими, и с американскими решениями, задаёт им ехидные вопросы, проверяет на русских идиомах и показывает, что при всей завуалированности перед нами может быть чужой или враждебный продукт.

Виталий ВОЛКОВ. Тогда вопрос: а что, с учётом наших салтыково-щедринских реалий, может разорвать, по вашему выражению, узкий замкнутый круг "принимателей стратегических решений"? Существует ли неревOLUTIONционная социальная технология, которая в условиях войны открыла бы систему для принятия ответственности за большие решения вне бюджетных распиллов?

Юрий ГРОМЫКО. Лично для меня такой технологией является организационно-деятельностная игра и доведение проектов до состояния, в котором очевидно: перед нами национальный проект огромной мощности. Есть несколько возможных областей. Это, например, искусственные материалы и углепластик для транспортной инфраструктуры нового поколения, в том числе как направление совместной работы с Китаем. Это возвращение к идее Трансевразийского пояса развития — ТЕПР по Иртышу с выходом в Арктику. Таких проектных идей я вижу около десятка. Их надо довести до расчётной формы и предъявить правительству. На мой взгляд, это единственный неревOLUTIONционный путь размыкания круга. Уже при обсуждении проектов и проведении организационно-деятельностной игры надо вовлекать представителей правительства, чтобы они разделяли все риски и угрозы. Очевидно, что такие проекты реализуются в специально созданной враждебной среде. Это не ситуация, когда можно просто размахнуться и получить любые деньги. Ведь рядом с правительством есть люди, для которых выделение средств на большой проект означает прекращение финансирования программ, которые их кормят.

С другой стороны, здесь безусловно присутствуют западные разведки. "Палантир", грубо говоря, заявляет: "Мы теперь можем управлять субъектностью". Когда у нас возникает новая субъектность, они "берут её под микроскоп" и видят, как её размагнитить и размыть, вбрасывая другие информационные поводы. Поэтому разработка таких проектов должна строиться в условиях реального противоборства.

Виталий ВОЛКОВ. То есть, если я правильно вас понимаю, можно поручить условному "Росатому" — владельцу энергетических ресурсов — создание мощных расчётных механизмов и серьёзных программ с привлечением специалистов условного Физтеха, а ещё определить генерального конструктора с большими полномочиями и высочайшей степенью личной ответственности за результат. И поставить задачу создания мультимедиа-инфраструктуры, способной доводить энергию создания или уничтожения до любой точки пространства при противодействии агрессивных умных и быстрых сред. Такая экосистема могла бы, помимо технологических конструкторских задач большого масштаба, позволить решать задачу проникновения в замкнутый круг: выявлять посредников между "нами" и пространством внутри этого круга, понимать их структуру, истинные задачи, их слабые и сильные стороны и определять, через кого можно выйти на лиц, принимающих решения, и чем заинтересовать их. То есть решать свою сложную социально-политическую, нравственную, культурную и военную задачу. И фокус в том, что с точки зрения субъектов и объектов это примерно та же задача, что доставка беспилотника или волн беспилотников в любую точку нашего пространства через враждебную среду и замкнутые оборонительные круги. Это подобно экосистемам птичьих сообществ, пчелиных семей и других сложно устроенных организмов, которые решают задачи строительства и защиты от враждебных организмов. Как далеко, по-вашему, мы сейчас от этого находимся?

Юрий ГРОМЫКО. Как и во многих российских делах, от решения нас отделяет один шаг. Российская математическая школа по-прежнему остаёт-

ся передовой. Перельман отказался от премии, но все подтвердили, что задачу он решил. Это, на мой взгляд, чисто русский вариант: "задача решена, премия не нужна, меня интересуют только кот и мама". Основной вопрос — сдвинуть людей, принимающих решения. Сейчас они находятся в заторможенном, замыленном состоянии. При этом создаётся впечатление, что правительство работает: премьер Мишустин проводит по десять сессий в день. Тогда как организационно-деятельностная игра как технология конструирования прорывных решений требует трёх дней, но с высокой концентрацией внимания. В экономике внимания это считается огромной потерей времени. Поэтому проводятся десять сессий: люди собираются, общаются, записывают новые повестки, чтобы тут же их забыть. Экономика внимания именно на этом и строится: если моё внимание похитили и велели смотреть только на одно, основная задача затем — восстановить энергозатраты и через минуту всё забыть. Так устроен ЕГЭ: "Я добиваюсь 300 баллов, чтобы потом ничего не помнить об этом ужасе. Потом Греф возьмёт меня на работу с этими 300 баллами, потому что я всех обошёл; я съезжу, например, в "Сириус" и забуду всю эту галиматью. Точно так же живёт правительство. Поэтому его надо освободить от экономики внимания. На этом уровне нас отделяет от решения один шаг — дефицит государственного стратегического решения, который всё более обостряется. Люди во власти — сверхгибкие каратисты: они уклоняются от одних ударов, тут же наносят другие и одновременно себя рекламируют. Горизонт их пиара — полгода; что будет потом, никто не знает. Их надо извлечь из этой среды и создать другую экосистему. Далее возникает, к сожалению, сталинский вопрос: инициатива должна сопровождаться сверхжёсткой ответственностью — анализом того, что реально удалось сделать через три, пять и шесть месяцев. Даже шаг в одной области начнёт сдвигать и трансформировать всю систему.

Успешные предприниматели, способные потянуть огромные программы, не получают доступа к полномочиям и возможностям реальной капитализации. Их привлекают к ответственности ещё до того, как они получили возможность реализовать замысел. Инициатива сразу становится наказуемой, потому что рядом уже сидит человек на соответствующем бюджете. Он делает всё с помощью пиара, чтобы развалить инициативу и заставить всех усомниться в её авторе.

Виталий ВОЛКОВ. Как измерять полезность проекта? В каких единицах? Например, потенциальный генеральный конструктор предлагает в короткий срок обеспечить безопасность воздушного и морского пространства страны или отдельной территории с помощью комплексной, затратной системы, соединяющей разные инфраструктуры. Здесь речь непосредственно идёт о преодолении смерти — о жизни конкретных людей. Эти единицы измерения? Но она с "системой Сталина" не монтируется.

Юрий ГРОМЫКО. Основная проблема России — демография: низкая рождаемость уже задаёт убыль населения. Поэтому первая задача всех защитных систем — сделать так, чтобы погибло меньше детей и мирных жителей. Это первый пункт. Второй — создание систем для расселения России, развития территорий, в том числе Сибири, и строительства новых городов, что мы обсуждали с предпринимателями из Сибири. Это вопрос строительства городов, устроенных иначе, чем московская "коробка". Более того, сама Москва смогла бы вздохнуть: я чувствую, насколько тяжело её духу от постоянного расширения. Мирное применение защитных систем связано с новой логистикой. Для России критически важна быстрая доставка всего и вся, включая людей. Если маглев, поезд на воздушной подушке, между Хабаровском и Владивостоком сократит путь до одного часа вместо нынешних девяти-десяти, человек сможет работать одновременно в двух местах. Возникнет иная структура человеческого ресурса. Надо понимать, как удерживать огромное пространство малыми силами и создавать условия, при которых российскому человеку захочется иметь большую семью. Он должен стать центром организации большого пространства и задуматься: если я всё это освою, кому передам? Одного сына или одной дочери для такого наследия недостаточно. С моей точки зрения, защитные системы и системы автономного транспорта, связанные с энергетикой и вычислениями, означают совсем другое пространственное развитие России. Важнейший проект — переселение Нечерноземья, страдавшего ещё при советской власти от недостатка финансирования. Я с ужасом вспоминаю поездки в коровники и за картошкой в Ярославской области. Но именно там растёт лён-долгунец. Лён-долгунец — принципиальный ресурс, во многих применениях превосходящий хлопок. Сейчас основным поставщиком льна является Франция, прежде всего Нормандия; важным производителем остаётся Белоруссия. В России его естественная зона — Нечерноземье. Лён-долгунец даёт не только льняную одежду, одну из самых элитных тканей. Из него получают порох, целлюлозу и особые, в том числе, композитные, волокна. Это пример того, как "рубашка вырастает на поле": сельскохозяйственная культура на выходе даёт сверхпродукт. Чтобы молодой человек захотел уехать из Углича или Ярославля не в Москву, а в тьмутаракань под Мышкиным, у него должна быть усадьба, беспилотный транспорт и возможность получать культурные продукты. Это уже другая цивилизация, и её образ надо сначала нарисовать. В её основе — беспилотные системы, малая энергетика и иные инфраструктурные решения. То, что сегодня работает на войну, затем может быть возвращено и масштабировано для нового пространственного освоения страны.